

Социальные мотивы и корни творчества М. Горького*).

С особенным подъемом, волнением и восторгом говорит Горький о женщине. Женщина для него—всегда мать, неизменное олицетворение творческого начала. Она всегда дает миру, богачает его, а не отнимает; рождает слоненка, она является источником истинной жизни. Женщина—мать всего человечества, она дарит жизнь и охраняет ее, она—символ всего созидательного, творческого. Глаза женщины—это «святые глаза родительницы», которые всегда горят «огнем неисчерпаемой любви». Целомудренная простота замечательного рассказа «Рождение человека» не может скрыть того рвения, которым охвачен художник перед великим таинством вечно обновляющейся жизни.

И он не устает славословить Мать: «Прославим женщину-мать, неиссякающий источник всеобъединяющей жизни!

Прославим в мире женщину-мать, диную силу, перед которой склоняется смерть!

Восславим женщину-мать, чья любовь не знает проград, чей грудью кормлен весь мир! Все прекрасное в слове от лучей солнца и от молока матери,—вот что насыщает нас любовью в жизни»...

...Революция, призванная родить новый мир, есть творческая стихия. Быть, она тоже женщина, тоже мать. И случайно Горький принимается за грандиозную попытку в одном образе Целая Неловны Власовой слить революцию и мать...

Труд, творчество, делание—таков «смысл жизни» по Горькому, критерий, при помощи которого он дает меру людям, вещам и явлениям. Ничего книжного, надуманного, искусственного здесь нет, это цельное, органическое мироощущение художника, одинаково «переваренное» и «умом», и «талантом».

Человеческий труд способен творить чудеса. Возможности его безграничны. Коллективная воля человечества, его бессмертный разум уже многое преодолели, уже в значительной мере покорили себе слепые силы природы. Победа может быть окончательной, земля может превратиться в нечто несказанно цветущее и прекрасное, если создан будет такой строй общественных отношений, при котором ни одно человеческое усилие не пропадет даром и путь восхождения человека «все вперед и выше» в борьбе с материей будет расчищен от всяких препятствий. Смысл революции только в этом, она велика и благословенна только потому, что призвана породить небывалый подъем трудовой энергии. Революция—для труда, творческой борьбы, преодолений и взлетов, которые достанутся тяжело...

...Творчество Горького есть творчество писателя-социалиста прежде всего потому, что оно насыщено пропитано здоровым запахом трудового пота. Но связать это творчество с пролетариатом, видеть в нем художественную эманацию*) классового рабочего движения было бы действительно на-

*) Окончание. См. «Н. К.» № 31.

*) Эманация—истечение, проявление.

тяжкой. И натянутость, искусственная приподнятость как раз чувствуется в тех произведениях, где художник хочет заставить себя выступить в роли певца пролетариата. Изображение классовой борьбы решительно не дается художнику, — не ею определяется душевный склад его героев из рабочей среды, их мысли, чувства и желания.

Даже в драматических сценах «Врагов», где писатель стремился дать картину массового движения и сознательно обошелся без «героев» типа Павла Власова, даже в этом произведении, которое, как мы знаем, Плеханов считал образцом социально-психологического отражения пролетарской классовой борьбы, в конце концов не видно ничего специфически «пролетарского», качественно нового и отличного от движения какого-либо другого класса, например крестьянства. Плеханов особенно выделяет сцену, в которой рабочие Левшин и Ягодин предлагают своему молодому товарищу Рябцову взять на себя вину за несудебное им преступление: «Потребуют лучших, которые дороже тебя, Папюк, для товарищеского дела». И Папюк, без сопротивления, с полным сознанием необходимости этого, обваривает себя, как убийцу. Здесь дан действительно высокий образец чувства связи с массой, — но разве это только является характерной чертой рабочего движения? Разве здесь, в иной обстановке, не звучит хорошо знакомый мужицкий мотив — «пострадать за мир», который есть «великий человек»? И другая психологическая черта рабочего, участника своего классового движения, выделенная и «рекомендованная» Плехановым во «Врагах», — «слепойная вера в свою правду», — отнюдь не является монополией пролетариата, ибо «слепойная», т. е. достижение внутренней

душевной гармонии, свойственно всякой твердой вере в свою правду, независимо от ее содержания.

Характерно, что когда художник берет рабочего изолированно, вне классовой борьбы, как человеческую особь, еще социально не осознающую себя, или как личность, переживающую душевный разлад, образы становятся жизненными, яркими, приобретают плоть и кровь, которых так не хватает всем этим добродетельным и премудрым «социал-демонам» и «богостроителям». Лучшим произведением из рабочей жизни является у Горького «Хозяин», рисующее булочное заведение Василия Семенова, в котором писатель работал, проживая в Казани. Там нет пророков, взывающих к созданию колокола, сливающего «все» сердца, а живые страдающие люди, задавленные тьмой, тяжелым трудом и нуждой. Почти каждый из них переживает мучительный и неизбежный перелом души: родилась она и тихо выросла в деревне, а теперь город сотнями маленьких молоточков ковал на свой лад эту мясную, податливую душу, расширяя и суживая ее. Перед нами — первая стадия «выварки» в капиталистическом котле. Жуткая, безрадостная, воистину «страшная» жизнь, — из нее не видать ни выхода, ни просвета. И эту жизнь, в которой нет еще и зародыша классового «становления» и самосознания, Горький, как и жизнь слесаря Михаила Власова, изображает с редким мастерством. В рассказе «Мордовка» герой — рабочий, но уже осознавший свою историческую миссию, активный участник движения. Но это не схема, а живая личность, подверженная многообразным жизненным воздействиям. Неудачная семейная жизнь служит причиной душевного беспокойства Мажова. Жена его — не Марья, а Марфа. То, что муж ее «забастовщик», населяет

ее страхом за судьбу семьи, за сытое существование свое и детей. Она хочет, чтобы он забросил свои «глухости» и думал только о Доме; попреки и жалобы не сходят с ее уст. Маков переживает глубокую драму. Он чувствует потребность в поддержке и именно женской поддержке в своей борьбе. В поисках этой товарищеской, душевной ласки он сходится с «мордовкой» Лизой и находит то, что искал. Но он, повторяем, живой человек, и поэтому задача не решена: он не может расстаться с женой, бросить детей. Узел стал еще запутаннее и сложнее, добровольный, полный самопожертвования уход Лизы конечно, не мог его развязать...

Рассказ хорош и полон глубокой жизненной правды, но герой его, рабочий-социалист, показан нам, так сказать, в разрезе личной драмы, а не на фоне своего класса...

Говоря о социалистических мотивах в творчестве Горького, следует отметить еще одну черту, не лишнюю поучительности.

Колыбель современного социализма, его духовная родина, великая плававшая его идей—город. Вне города не может быть ни усвоена идеология социализма, ни понята его психология. Пролетарский поэт есть поэт городской по преимуществу. В творчестве же Горького почти не ощущается стихия города. Она мало задела душу художника, слабо отразила в ней свой мятежный и ярый облик. Напротив, у Горького можно встретить немало мест, исполненных «проклятия зварию» капиталистического города, раздражения против его «оглушительной симфонии». Еще в «Челкаше», давая во введении картину работы гавани, «бешено-страстного гитана Меркурию», в котором сливается «звон лобных щелей, грохот сцеплений у вагонов,

подвозящих груз, металлический вопль железных листов, откуда-то падающих на камень мостовой, глухой стук дерева, дребезжание извозчичьих телег, свистки пароходов, то пронзительно резкие, то глухо ревущие, крики грузчиков, матросов и таможенных солдат»,—художник мечтает о катастрофе и взрыве, «за которым в освещенном им воздухе будет дышаться свободно и легко, на земле воцарится тишина, а этот пыльный шум, оглушительный, раздражающий, доводящий до тоскливого бешенства, исчезнет, и в городе, на море, в небе станет тихо, ясно, славно». С народническим привкусом рисовал Горький и «Город желтого дьявола» в своих полупублицистических американских очерках. Признания в нелюбви к городу часто вкладываются им в уста героев, обычно высказывающих сокровенные мысли автора. Один из таких героев (в «Исповести») говорит: «Городов я не любил. Жадный шум их и эта бешеная торговля всем—неспосны были мне, обалдевшие от суеты города—чужды. Кабачков—избыток, церкви—лишние, построены горы домов, а жить тесно, людей много и все не для себя,—каждый привязан к делу и, видимо, всю жизнь бежит по одной линии, как пес на цепи».

Слабо связанное со стихиями современного капиталистического города и классовой пролетарской борьбы социалистическое творчество Горького в этой своей, с марксистской точки зрения, «дефективности»*) отразило несовершенство и незрелость нашего общественного развития.

Рабочий класс едва только успел отвеситься от своего общего крестьянского и ремесленного, мелкобуржуазного ствола, и процесс оформ-

*) Дефективность — недостаточность, ущербность.

ления соответствующего «сознания», естественно, отставал от «бытия». Быстрый, европейский темп капиталистического развития царской России начал сказываться, в сущности, в последнем десятилетии XIX века, и первая русская революция не знала еще «потомственного пролетариата», имея дело с первым его поколением — непосредственными выходцами из деревень, уездных городков и мещанских слобод. Да и ко времени второй революции «чистокровные» пролетарские элементы, совершенно эмансипированные от чужеродной социальной среды, составляли незначительное меньшинство в рабочем классе... Конечно, капиталистическая материальная культура сделала в конце XIX и начале XX в.в. огромные завоевания в России, но не следует, однако, упускать из вида относительного все же характера этих завоеваний, не забывая, что в конечном счете крупный, передовой капитализм осел редкими очагами, что процент численности пролетарского населения так и не достиг двузначной цифры, что страна продолжала оставаться земледельческим, мужицким царством. Эта обстановка сыграла решающую роль в социально-политических судьбах страны, когда пробил час их свершения, не могла не сказаться на творчестве такого коренного и аутентичного *) художественного выразителя трудящихся масс, как Горький.

Не потому плох его социализм, что писатель «не переварил» марксистскую теорию, а потому, что русская действительность не успела еще как следует «переварить» все те исторически необходимые элементы, которые создаст предпосылку для зрелого классового социалистического движения...

С особенным подъемом, волнением и восторгом говорит Горький о женщине. Женщина для него — всегда мать, неизменное олицетворение творческого начала. Она всегда дает миру, обогащает его, а не отнимает; рождая человека, она является источником вечной жизни. Женщина — мать всего человечества, она дарит жизнь и охраняет ее, она — символ всего создающего, творческого. Глаза женщины — это «святые глаза родительницы», которые всегда горят «огнем нескончаемой любви». Целомудренная простота замечательного рассказа «Рождение человека» не может скрыть того предельного, которым охвачен художник перед великим таинством вечно обновляющейся жизни.

И он не устает славословить Мать: «Прославим женщину-мать, неиссякающий источник всесообщающей жизни!»

Прославим в мире женщину-мать, единую силу, перед которой склоняется смерть!

Богославим женщину-мать, чья любовь не знает преград, чей грудью вскармлен весь мир! Все прекрасное в человеке от лучей солнца и от молока матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни!...

...Революция, призванная родить новый мир, есть творческая стихия. Стало быть, она тоже женщина, тоже мать. И неслучайно Горький принимается за грандиозную попытку в одном образе Пелагеи Неловны Власовой слить революцию и мать...

*) Окончание. См. «Н. К.» № 31.

Труд, творчество, делание—таков «смысл жизни» по Горькому, критерий, при помощи которого он дает меру людям, вещам и явлениям. Ничего книжного, надуманного, искусственного здесь нет, это цельное, органическое мироощущение художника, одинаково «переваренное» и «умом», и «талантом».

Человеческий труд способен творить чудеса. Возможности его безграничны. Коллективная воля человечества, его бессмертный разум уже многое преодолели, уже в значительной мере покорили себе слепые силы природы. Победа может быть окончательной, земля может превратиться в нечто неслыханно цветущее и прекрасное, если создан будет такой строй общественных отношений, при котором ни одно человеческое усилие не пропадет даром и путь восхождения человека «все вперед и выше» в борьбе с материей будет расчищен от всяких препятствий. Смысл революции только в этом, она велика и благословенна только потому, что призвана породить небывалый подъем трудовой энергии. Революция—для труда, творческой борьбы, преодоления и взлетов, которые останутся навсегда...

...Творчество Горького есть творчество писателя-социалиста прежде всего потому, что оно пахнет пропитанно здоровым запахом трудового пота. Но связать это творчество с пролетариатом, видеть в нем художественную аманацию*) классового рабочего движения было бы действительно на-

тяжкой. И натянутость, искусственная приподнятость как раз чувствуется в тех произведениях, где художник хочет заставить себя выступить в роли певца пролетариата. Изображение классовой борьбы решительно не дается художнику,—не ею определяется душевный склад его героев из рабочей среды, их мысли, чувства и желания.

Даже в драматических сценах «Врагов», где писатель стремился дать картину массового движения и сознательно обошелся без «героев» типа Павла Власова, даже в этом произведении, которое, как мы знаем, Плеханов считал образцом социально-психологического отражения пролетарской классовой борьбы, в конце концов не видно ничего специфически «пролетарского», качественно нового и отличного от движения какого-либо другого класса, например крестьянства. Плеханов особенно выделяет сцену, в которой рабочие Левшин и Ягодин предлагают своему молодому товарищу Рябцову взять на себя вину за совершенное им преступление: «Потревожат лучших, которые дорожке тебя, Пашок, для товарищеского дела». И Пашок, без сопротивления, с полным сознанием необходимости этого, отговаривает себя, как убийцу. Здесь дан действительно высокий образец чувства связи с массой,—но разве это только является характерной чертой рабочего движения? Разве здесь, в иной обстановке, не звучит хорошо знакомый мужичий мотив—«пострадать за мир», который есть «великий человек»? И другая психологическая черта рабочего, участника своего классового движения, выделенная и «рекомендованная» Плехановым во «Врагах»,—«спокойная вера в свою правду»,—отнюдь не является монополией пролетариата, ибо «спокойствие», т. е. достижение внутренней

*) Аманация—источение, проявление.

душевной гармонии, свойственно всякой твердой вере в свою правду, независимо от ее содержания.

Характерно, что когда художник берет рабочего изолированно, вне классовой борьбы, как человеческую особь, еще социально не осознавшую себя, или как личность, переживающую душевный разлад, образы становятся жизненными, яркими, приобретают плоть и кровь, которых так не хватает всем этим добродетельным и премудрым «социал-демократам» и «богостроителям». Лучшим произведением из рабочей жизни является у Горького «Хозяин», рисующее булочное заведение Василия Семенова, в котором писатель работал, проживая в Казани. Там нет пророков, взывающих к созданию колокола, сливающего «все» сердца, а живые страдающие люди, задавленные тьмой, тяжелым трудом и нуждой. Почти каждый из них «переживает мучительный и неизбежный перелом души: родилась она и тихо выросла в деревне, а теперь город сотнями маленьких молоточков ковал на свой лад эту мягкую, податливую душу, расширяя и суживая ее». Перед нами — первая стадия «выварки» в капиталистическом котле. Жуткая, безрадостная, воистину «страшная» жизнь, — из нее не видать ни выхода, ни просвета. И эту жизнь, в которой нет еще и зародыша классового «становления» и самосознания, Горький, как и жизнь слесаря Михаила Власова, изображает с редким мастерством. В рассказе «Мордовка» герой — рабочий, но уже осознавший свою историческую миссию, активный участник движения. Но это не схема, а живая личность, подверженная многообразным жизненным воздействиям. Неудачная семейная жизнь служит причиной душевного беспокойства Макова. Жена его — не Мария, а Марфа. То, что муж ее «забастовщик», населяет

ее страхом за судьбу семьи, за сытое существование свое и детей. Она хочет, чтобы он забросил свои «глупости» и думал только о доме; попреки и жалобы не сходят с ее уст. Маков переживает глубокую драму. Он чувствует потребность в поддержке и именно женской поддержке в своей борьбе. В поисках этой товарищеской, душевной ласки он сходит с «мордовкой» Лизой и находит то, что искал. Но он, повторю, живой человек, и поэтому задача не решена: он не может расстаться с женой, бросить детей. Узел стал еще запутаннее и сложнее, добровольный, полный самопожертвования уход Лизы конечно, не мог его развязать...

Рассказ хорош и полон глубокой жизненной правды, но герой его, рабочий-социалист, показан нам, так сказать, в разрезе личной драмы, а не на фоне своего класса...

Говоря о социалистических мотивах в творчестве Горького, следует отметить еще одну черту, не лишнюю поучительности.

Колыбель современного социализма, его духовная родина, великая плазильня его идей — город. Вне города не может быть ни усвоена идеология социализма, ни понята его психология. Пролетарский поэт есть поэт городской по преимуществу. В творчестве же Горького почти не ощущается стихия города. Она мало задела душу художника, слабо отразила в ней свой мятежный и яркий облик. Напротив, у Горького можно встретить немало мест, исполненных «проклятия зверю» капиталистического города, раздражения против его «оглушительной симфонии». Еще в «Челкаше», давая во введении картину работы гавани, «бензино-страстного гимна Меркурию», в котором сливается «звон якорных цепей, грохот сцеплений у вагонов,

подвозящих груз, металлургский вопль железных листов, откуда-то падающих на камень мостовой, глухой стук дерева, дребезжание извозничьих телег, свистки пароходов, то пронзительно резкие, то глухо ревущие, крики грузчиков, матросов и таможенных солдат», — художник мечтает о катастрофе и взрыве, «за которыми в освеженном им воздухе будет дышаться свободно и легко, на земле воцарится тишина, а этот пыльный шум, оглушительный, раздражающий, доводящий до тошнотливого бешенства, исчезнет, и в городе, на море, в небе станет тихо, ясно, славно». С народническим привкусом рисовал Горький и «Город желтого дьявола» в своих полупублицистических американских очерках. Признания в не любви к городу часто вкладываются им в уста героев, обычно высказывающих современные мысли автора. Один из таких героев (в «Исповеди») говорит: «Городов я не любил. Жадный шум их и эта беспабашная торговля всем — несносны были мне, обладавшие от суеты города — чужды. Кабаки — избыток, церкви — лишние, построены горы домов, а жить тесно, людей много и все не для себя, — каждый привязан к делу и, видимо, всю жизнь бегаёт по одной линии, как пес на цепи».

Слабо связанное со стихиями современного капиталистического города и классовой пролетарской борьбы социалистическое творчество Горького в этой своей, с марксистской точки зрения, «дефективности»*) отразило несовершенство и незрелость нашего общественного развития.

Рабочий класс едва только успел ответить на своего общего крестьянского и ремесленнического, мелкобуржуазного ствола, и процесс оформ-

ления соответствующего «сознания», естественно, отставал от «бытия». Быстрый, европейский темп капиталистического развития царской России начал сказываться, в сущности, в последнем десятилетии XIX века, и первая русская революция не знала еще «потомственного пролетариата», имея дело с первым его поколением — непосредственными выходцами из деревень, уездных городков и мещанских слобод. Да и ко времени второй революции «чистокровные» пролетарские элементы, совершенно эмансипированные от чужеродной социальной среды, составляли незначительное меньшинство в рабочем классе... Конечно, капиталистическая материальная культура сделала в конце XIX и начале XX в.в. огромные завоевания в России, но не следует, однако, упускать из вида относительного все же характера этих завоеваний, не забывая, что в конечном счете крупный, передовой капитализм осел редкими очагами, что процент численности пролетарского населения так и не достиг двузначной цифры, что страна продолжала оставаться земледельческим, мужицким царством. Эта обстановка сыграла решающую роль в социально-политических судьбах страны, когда пробил час их свершения, не могла не сказаться на творчестве такого коренного и аутентичного*) художественного выразителя трудящихся масс, как Горький.

Не потому плох его социализм, что писатель «не переварил» марксистскую теорию, а потому, что русская действительность не успела еще как следует «переварить» все те исторически необходимые элементы, которые создаст предпосылку для зрелого классового социалистического движения...

*) Дефективность — недостаточность, ущербность.

*) Аутентичный — подлинный.